

Даля Трускиновская

Авось, прорвемся!

Даля Трускиновская

Авось, прорвемся!

Серия «Домовые»

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164877

Аннотация

«Где – не скажу, потому что с географическими координатами у этой местности туго, есть гора. Вот сейчас я пытаюсь представить себе эту гору, и получается неплохо. Она стоит на ровном месте и поросла красивыми деревьями. Очевидно, что-то с ней не так – оползти пыталась, что ли, и неведомый хозяин укрепил ее кое-где стенками из небольших, впритык уложенных, валунов. Тропа, извиваясь ведет к вершине, а на вершине что-то вроде дома без стен. То есть, имеется крыша с коньками и столбы, ее подпирающие, восемь штук. Все это – из светлого дерева, украшено резьбой и достойно солидного этнографического музея. Под крышей стоят березовые чурбаки, высокие и низкие, на которых можно сидеть человеку всякого роста...»

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	10
Глава третья	18
Глава четвертая	25
Глава пятая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Даля Трускиновская

Авось, прорвемся!

филологический боевик

Глава первая

И один в поле...

Где – не скажу, потому что с географическими координатами у этой местности туго, есть гора. Вот сейчас я пытаюсь представить себе эту гору, и получается неплохо. Она стоит на ровном месте и поросла красивыми деревьями. Очевидно, что-то с ней не так – оползти пыталась, что ли, и неведомый хозяин укрепил ее кое-где стенками из небольших, впритык уложенных, валунов. Тропа, извиваясь ведет к вершине, а на вершине что-то вроде дома без стен. То есть, имеется крыша с коньками и столбы, ее подпирающие, восемь штук. Все это – из светлого дерева, украшено резьбой и достойно солидного этнографического музея. Под крышей стоят березовые чурбаки, высокие и низкие, на которых можно сидеть человеку всякого роста.

А вот и человек. Как раз посередке и сидит.

Вид у него самый что ни на есть уличный. То есть, идешь

по улице – и таких мальчишек, от четырнадцати до сорока, встречаешь чаще, чем по законам демографии полагалось бы. Особенно летом.

На горе как раз лето, и потому человек под крышей одет в майку с картинкой (рок-свинг-поп-рэп-группа со страшными рожами), в джинсы (низ уже совсем обтрепался), обут в кроссовки (никакая не фирма, найдешевейший самодуй). Его длинные русые волосы завязаны хвостиком, и еще у него на голове что-то вроде кожаной кепки козырьком назад. На шее, на темном ремешке, висит металлическая штукавина немногим поболее зажигалки и с невнятной чеканкой. Вид удивительно безалаберный.

Чурбан, который он для себя выбрал, ему высоковат, и поэтому человек сидит половиной зада и качает в воздухе левой кроссовкой.

Он ждет. Сразу видно – ждет. Но недолго.

Вообще-то он мне нравится. У него живая физиономия, склонная скорее к беззаботной улыбке, чем к благопристойной гримасе тягостного размышления. Кроме того, он живет по принципу «одна нога – здесь, другая – там».

И вот он услышал!..

Очевидно, услышал шаги. весь подался в сторону звука, на лице отразилась надежда, а потом притухла. Возможно, потому, что это были шаги одного человека.

И появился из кустов хмурый дядя.

Бывают такие мужички в полтонны весом, которые от соб-

ственной тяжести и силищи даже горбятся. Плечищи у них – вековые утесы, а взгляд говорит определенно и без всяких там экивоков: «Ну, что пристали? Ща как дам!»

Одет дядя был как-то неуловимо, в зеленовато-серое, но чтоб я сдох, если могу так сразу назвать этот вид одежды! Балахонохламида какая-то, однако то ряд пуговиц блеснет, то пряжка ремня, а то вот галстук за дядей по траве волочится, как будто пытается выползти из штанины, хотя просвета между ногами я не вижу, и, следовательно, этот мрачный тип – не в штанах...

– Здрав буди! – буркнул этот хламидоносец.

– И ты.

Дядя сел на чурбан, отчего чурбан сразу ушел на два вершка в землю. Теперь мне стало ясно, почему одни седалища еще высокие, а другие уже низенькие. Из-за пазухи балахона была добыта пачка сигарет.

– Здесь-то зачем? – неодобрительно спросил хвостатый человек. – Внизу не накурился?

Пачка словно вползла в открывшуюся щель, и складки ткани за ней сомкнулись.

Какое-то время они ждали вместе.

– Больше никто не придет, – сказал дядя.

– Авось подойдут.

Дядя посмотрел на хвостатого, словно бы буркнул: экий ты легкомысленный, все у тебя на авось...

Они подождали еще малость.

– Нет, не подойдет. Вдвоем совещаться будем.

– А если даже и так? – беззаботно отвечал хвостатый оболтус.

Дядя тяжело вздохнул.

– Ты как сюда попал?

– Запросто!

– Запросто – это как?

– Ну, шел себе, шел припеваючи, гляжу – а я уже здесь.

– По сторонам, стало быть, не смотрел?

– А зачем?

– А ты посмотри.

Хвостатый вечный мальчик взобрался на чурбан и, придерживаясь за подпирающий крышу столб, поглядел вниз.

Присвистнул...

– Вот то-то и оно, – сказал дядя. – Авось – он Авось и есть. А другим-то сюда и не пробиться.

– А ты?

– А я кто пристанет – того и хвачу. И дальше следую.

– Могуч ты, Кондратий, – со странным неодобрением заметил хвостатый.

– Ветер у тебя в голове, Авось, – отрубил Кондратий. – Нас со всех сторон обложили, птице не пролететь, а тебе все трын-трава.

– Нет больше трын-травы, повывели, – ответил Авось, спрыгивая с чурбана. – Мне теперь все по барабану...

– Ща хвачу, – пообещал Кондратий.

– Нехватишь.

– Почему?

– А потому, что одни мы с тобой и остались... – Авось внезапно затосковал. – И где же все наши? Ведь никого же, Кондраша! Ни души!

– Ты только теперь до этого додумался?

– Ну...

Кондратий покачал головой.

– Вот то-то и оно, что на тебя, подлеца, положились! А ты перстом о перст ударил? Ты себе слонялся, пивом баловался! А наши все, поди, уж полегли... Мы последние остались, Авосюшка. Панихидку бы по нашим отслужить-то...

– А если не полегли? Если прячутся где-то? – с надеждой воскликнул Авось. – У стариков, у старушек?

– Теперь такие старушки пошли – кого хошь перематерят. Станут они наших прятать!

Некоторое время Кондратий и Авось дулись друг на друга: один – за разгильдяйство, другой – за горькую правду. Потом Авось опять вскарабкался на чурбан.

– Что же мы имеем? – спросил он. – Всего-то навсего сорок дивизий хреновых, с полсотни блинных, американскую гуманитарную окейскую помощь... Кондраша! Ты ведь – силица! Ты какхватишь!..

– Устал я хватать. Да и куда мне против дивизий? Провистел ты, мил-дружок, наше царство. Пивом его баночным запил и гамбургером закусил.

– Да разве я?!

– Да на тебя же все положились! Только и галдели: Авось обойдется, Авось обойдется! Ну вот – обошлось... и костей не собрать...

И Кондратий, не прощаясь, пошел по тропке вниз.

– Куда ты?..

– Делом заниматься – английский язык учить. Он мне скоро понадобится.

С тем и отбыл восвояси.

Авось так и остался стоять на чурбане на манер памятника. Потом соскочил и треснул по чурбану кулаком:

– Врешь! Не одолеешь! Прорвемся!

Вид у человека, готового пойти с двумя кулаками против сотни дивизий, редко бывает умным. А чаще всего – вызывает о медицинской помощи.

– Так ты что же, в одиночку? – спросила я, высовываясь из кустов. – Ведь не справишься!

– Авось да и управлюсь! – злобно ответил он. – Они увидят, покойнички самозваные, – можно положиться на Авосья! Вот тогда-то все и повывлезут!

– Вот только восстания покойников сейчас и недоставало, – заметила я, потому что Авось уже явно терял чувство меры. – Нужно сесть и подумать, как ненасильственными и демократическими методами...

– Какими?!?

Столько издевки было в голосе, что я заткнулась.

Глава вторая

В руках было, да меж пальцев проскочило

Когда Авось взбирался на гору, он действительно по сторонам, а также под ноги, не глядел. Проскочил на авось, никто его и не заметил. Но, спускаясь, он принялся остерегаться. Тут-то на него и обратили внимание!

– Это что за лох?

– Ты что, блин, фишку не сечешь? – спросила я. – Фильтруй базар, блин! Какой тебе лох?!

– Свои, блин! – крикнул кто-то не в меру ретивому часовому.

– Свои так свои, – он спорить не стал. – Только какого хрена вы там, на горе, забыли, блин?

– Типа трахались мы там, козел, – ласково сообщила я.

– Ну, трахались – другое дело! О-кей, проходите, блин!

Я схватила своего спутника за руку и поскорее потащила прочь от подножия горы.

– Ишь, стерегут. Охраняют!.. – бурчал он. – Да пусто же там!.. Кто теперь туда сунется?!.

При этом он яростно чесал себе ляжку.

– Иди-иди, стратег. Блинную полосу уж как-нибудь проскочим, а вот с хреновой будет сложнее... Что – блохи заели?

– Океем задело. Хуже лишая!

– А меня уже не задевает... – вслух задумалась я. И точно – не задевало. Привыкла. Обтерпелась. Сама правда океями не разбрасываюсь – в рот это дело взять противно. Однако другим спокойно позволяю...

Я даже хай не использую, хотя хай – это престижная новинка. Мне не нравится, как его пишут по-английски – «HI». Зато с блинами полный порядок, с хренами – тоже, недаром ведь они меня за свою признают.

Благодарны, сволочи, за то, что я умножаю количество блинов и хренов в мире!

Блин, что встретил нас первым, был совсем юный, радостно-розовый. Но другой оказался матерым блинником. Оно и неудивительно – мало было надежды, что кто-то в этот день слезет с горы, давно уж на ней было тихо. А что потащатся на гору – подозрение имелось. Поэтому самый опытный караул разместили как раз подальше от горы – чтобы вовремя перехватить лазутчиков.

– Стоять, блин!

Разумеется, они вместе со своим зеленым джипом спрятались за поворотом шоссе.

– Стой, – шепнула я Авосю, а сама решительно пошла к крепкому краснорожему блиннику. Он небрежно отдал честь – гляди ты, подумала я, и блинов вышколили...

– Во, блин! – ответила я на этот жест, вложив в голос все возможное восхищение.

И он понял – своя!

– Пошли, прибамбас! – позвала я Авося. Он хмуро подошел.

Ему и всего-то нужно было сказать – свои, блин! Больше ни единого вопроса бы не было. Но он дулся и молчал.

– Прибамбас? – усомнился блинище.

– Ну! Крутой, в натуре, прибамбас, да?! – меня что-то повело на то ли кавказский, то ли киргизский акцент, я спохватилась и дернула Авося за хреновинку темного металла, что висела у него на шее.

– Точно, прибамбас, блин, – согласился блинище. – А что он у тебя – типа немой, что ли?

– Холодного пива на хрен хряпнул, блин! – пожаловалась я. И скорее поволокла Авося прочь от засады.

Он обернулся и нехорошо посмотрел на джип с подтянутыми, хорошо сложенными блинами. А я нехорошо посмотрела на него самого. Ведь этим сволочам вычеркнуть – плевое дело... Ведь для того тут и сидят, чтобы ловить и вычеркивать, ловить и вычеркивать!.. Из жизни...

– Если кто спросит, отвечай – прибамбас, – учила я своего спутника, шагая с ним вместо по обочине. – На блина ты не похож, на хрена ты не похож, а за прибамбаса сойдешь... Тем более – с хреновиной.

Авось остановился и сорвал с шеи свою металлическую штуку.

– Это – хреновина, да? Это тебе хреновина?!.

– Ты чего?

Но ему было безразлично, что я отвечу, да и отвечу ли вообще что-нибудь. Он смотрел на свою висюлину, и в глазах у него стояли самые настоящие слезы.

– Ну, коли хреновина!..

Авось размахнулся и забросил прибабасик в придорожные лопухи пополам с крапивой.

– Горе ты мое! Что же мне теперь с тобой делать?! – взявшись вывести его из опасной зоны, куда он проскочил, как ему и полагалось, на авось, я уже и сама была не рада. – Как же я тебя теперь за прибабаса выдам?..

Посмотрела на него с укоризной и вдруг поняла, что еще не все кончено.

– Ты знаешь кто? Ты – прибабах!

Он даже не спросил, что это слово означает. А может, знал, но сделал вид, что мои высказывания ему уже глубоко неинтересны. Я же стала раскручивать мудрую мысль. Если про чудака все чаще говорят «с прибабахом», стало быть, уже где-то есть прибабахи! А что их никто не видел – так это не аргумент. Вот Авось пусть и будет первый!

Дорожный указатель сообщал, что до городской черты – ровно километр. Мы могли рассчитывать еще на один пост. Если блины – это еще полбеды, блины все – с широкими и добродушными масляными рожками, блина можно уболтать. А если злые и едкие хрены? И ведь скорее всего – хрены!

Всего километр, подумала я, по шоссе десять минут ходу,

но, наверно, можно перепрыгнуть через канаву и пойти огородами. Не так комфортно, как по асфальту, зато есть шанс, что доберемся. Перспектива напороться на хреновый пост меня совсем не радовала. Там даже я так просто не отмахиваюсь. Придется пускать в ход самое надежное средство – синоним. Хрены – они эвфемисты и прекрасно это знают. Они кочевряжатся, пока ты не пришьлепнешь их синонимом. Перед ним они, как перед старшим по званию, стоят, сидят и лежат по стойке смирно. Пока едят ушами начальство – можно и проскочить...

Поскольку на свое новое звание «прибабах» Авось ничего не ответил, я и решила, что инцидент исчерпан, мой спутник осознал глубину своей глупости и дальше все пойдет как по маслу. Ошиблась!

– Ну, напарываться на хреновый пост нам ни к чему, а пойдем-ка напрямик, – предложила я. Но он, закусив удила, резко принял с места и так резво понесся вперед, что я на силу догнала.

– Тебе не терпится погореть? – спросила я, переходя с шага на бег. Ответа опять же не было. Я поняла, что он этим хотел сказать: авось пронесет. Но мне что-то мало верилось в удачу.

О том, что пост – хреновый, я догадалась, увидев двух девиц, что околачивались поблизости с бутылками пепси-колы. Сумок они при себе не имели – стало быть, сумки или рюкзаки остались на посту. Обе были похожи невероятно –

длинные, тощие, с лиловыми короткими волосами и в маечках выше пупа. Правда, одна была в шортах, другая – в символической юбке. Они неторопливо шли по шоссе, беседуя о своем, девичьем, и выглядели вполне довольными жизнью. Такие девицы только и смотрят, где бы подцепить богатого хрена...

– Эй, типа ты! – обратилась я к той, что в юбке.

– Типа ну?

– Там, типа, пост?

– Типа пост, – охотно ответила она.

– Хреновый типа?

– Типа реально.

Авось презрительно уставился не на нее, а на меня.

– Ну, тут мы с тобой и расстанемся, – бодро сказала я ему. – Ты меня типа проводил, можешь возвращаться.

Покосилась на обоих тип и добавила:

– На хрен...

И тут же для достоверности я попыталась его обнять, но он шарахнулся.

В момент объятия я бы сказала ему, что отвлеку внимание девиц типа «типа», а потом – и поста, он же, Авось, пусть чешет кустами, обогнет пост по дуге с максимальным радиусом и выйдет на шоссе уже почти в городе, там и пересечемся... Он прекрасно видел, что я хочу его о чем-то предупредить, но доблестно пренебрег. И устремился в просвет между девицами, едва их не раскидав, и понесся к посту, полный

решимости умереть, но не унизиться!

– Типа крыша едет? – догадалась моя собеседница.

– Типа съехала! – и я поспешила следом, но опоздала.

Пост был за поворотом, и стоило Авосью исчезнуть из моего поля зрения, как оттуда загремело яростное:

– Хрен пройдешь!

И в поддержку командиру – дружное, залповое:

– О-кей!!!

– Ой... – прошептала я. А подумала куда быстрее, хотя и была моя мысль гораздо длиннее, чем «ой»: ну все, царствие тебе, Авось, небесное, нет тебя больше в этом мире, один Кондратий остался!..

– О-кей! О-кей! – раздались одиночные возгласы. Я встрепенулась – неужели у Авосья хватило ума стремительно залечь и пропустить залп над собой?

Похоже, так оно и вышло, а потом он кинулся петлять кустами. Инстинкт самосохранения оказался умнее его свихнувшихся от гордости мозгов.

Прорваться через опытный хреновый пост можно было только на авось. Он попытался – и сгинул в неизвестном направлении. Когда я подошла поближе, ругань на посту царילה страшная, хотя и однообразная.

– Ну что же, – сказала я себе. – Сделано все, что возможно. И для человека, проснувшегося в кустиках на вершине этнографической горы, я совершила немало. А теперь неплохо бы проснуться еще раз...

Я напрягла все свои к этому делу способности и...

Глава третья

Пришел незван – поди же негнан

Утро началось с телефонного звонка.

У меня есть начальство, которое меня нежно любит. Любовь проявляется так: мне позволено свободное плавание в Сетях за счет редакции хоть ночи напролет, слово «дисциплина» в моем присутствии не произносится вообще, но в самое непотребное время суток меня вынимают откуда угодно и отправляют куда угодно. И если вчера я расхлебывала скандал между кришнаитами и общиной Синего Креста, значит, завтра обязательно окажусь на подводной лодке. Когда-нибудь я засну на грязной лестнице, под самым чердаком, в третьем часу ночи, устав расследовать обстоятельства безвременной смерти человека с трогательной фамилией Зайчонок, а проснусь в объятиях далай-ламы.

– Лети мухой! – велело начальство примерно месяц спустя после моего путешествия сквозь посты с безумным спутником. – Вот телефон – бу-бу-бу... Спросишь заместителя директора по фамилии – бу-бу-бу... Там у них на производстве то ли барабашки, то ли воры завелись. Если воры – черт с ними. Если барабашки – четыре тыщи в номер! О-кей?

– И картинку?

Начальство задумалось. Портрет барабашки – это было бы

круто! Однако начальство знало пределы даже газетного реализма и на подначку не попало.

Это оказалось мукомольное предприятие, на котором мельницы (не классические мельницы с крылышками, понятно, а вполне современное оборудование) повадились останавливаться по собственной инициативе. И голос притом слышался чуть ли не из глубины агрегата. А что производил – не понять.

– Вроде звал кого-то! Вроде как ругался. Блажил, как резаный! – вот и все, что удалось узнать от свидетелей.

– И давно это у вас?

– Третью неделю!

– И что, по ночам?

Оказалось – всерьез машины останавливались дважды, в ночь с воскресенья на понедельник, и вопли тогда тоже были слышнее всего. Интересно, что наутро вызванным ремонтникам делать было нечего – техника, взявшись за ум, включалась и действовала как новенькая.

– Уж не прийти ли мне к вам в ночную смену денька через два? – предложила я. – Посмотрим, как этот ваш барабашка к прессе относится.

Никакого избыточного энтузиазма я, честно говоря, не проявила. Просто мукомольный цех – в двух трамвайных остановках от моего дома, а раньше часа ночи я все равно спать не ложусь. То есть, если барабашка что-то смыслит в паблисити, то он появится до часа ночи.

Вместе со мной собрались ждать барабашку еще два человека, из них один – неженатый. А чего бы и не собраться – я же не чучело какое-нибудь!

В десять часов вечера мы встретились в административном здании, к половине одиннадцатого были в цеху, там забрались в бытовку, включили телевизор и сели пить чай. В полночь, как привидения, обошли цех. Несколько рабочих, дежурная смена, здоровались с нами несколько настороженно – кто ее, эту особу разберет, какая такая она пресса...

В половине первого ночи мы, сидя в бытовке за анекдотами, слышали крик.

– Барабашка! – откликнулись мы в три глотки – и ошиблись. Во-первых, очень отчетливо произносились всякие ненормативные слова, а во-вторых – голос стремительно приближался. Это был всего-навсего бригадир, и он столкнулся с нами на самом пороге бытовки.

Машины встали – почти все, ни с того ни с сего, но звуков еще не уловлено.

– Перебоев с электричеством не было? – первым делом спросила я.

– Ни одна лампа не мигнула, блин-блин-блин!

– Тихо!..

И тут мы услышали какое-то пронизывающее весь цех тоненькое подвывание.

– Он!.. – прошептал бригадир, а женатый мой соратник перекрестился.

Неженатый посмотрел на меня, ожидая обморока.

Я же вспомнила историю с ведомственным домом, куда чуть было сдуру не переехала.

Дом этот строили зэки в каком-то шестидесятом году, и строили для высокого начальства. Когда строителей увезли и запустили маляров, выяснилось, что великолепный, с высокими потолками и прекрасной планировкой, окруженный зеленью дом поет песенки. Зэки вмуровали в стены множество пустых бутылок горлышками наружу. Какое-то количество этих соловьиных горлышек отыскали и заткнули, но завывания продолжались. Несколько лет дом стоял пустой, и осенней ночью мимо него было страшно проходить. Потом высокое начальство окончательно махнуло на него рукой и отдало народу. Народ в полном восторге вселялся, а следующий приступ восторга бывал обыкновенно в тот день, когда удавалось из дома выехать на другую жилплощадь. Думаю, там понемногу должно было образоваться что-то вроде заповедника глухих.

Вот поэтому я и спросила, не строили ли в последнее время в цеху каких-либо стенок или перегородок. Бригадир поклялся, что давно уж ничего не строили.

– Ну, тогда... – я набрала воздуха столько, что даже пресс окаменел, и заорала не слишком громко, но внушительно: – Ба-ра-баш-ка-а-а-а!!!

Если на правильном регистре держать голос, то он даже от решительного ора не срывается. Однако слушателей пора-

жает наповал. Мои, во всяком случае, попятились. Тот, кто подвывал в агрегате, тоже замолчал.

– Бойтся – значит, уважает, – удовлетворенно отметила я. – А теперь попробуем-ка сесть в засаду. Может, удастся разобрать хоть слово...

Почему-то и мои соратники по ловле барабашек, и бригадир поняли это дело так: нужно всем четверым вколотиться в крошечную каморку, где со всех сторон врезаются в бока края длинных полок, и там замереть.

Мы и дышать-то старались потише. Мы и мысли-то отключили, только слух оставили – чему очень способствовала темнота. И дождались – опять скулеж поднялся.

– Еле? Какое еле? – первым вычленил знакомые звуки бригадир.

– Тихо... Мелет... – перебил тот авантюрист, что неженатый.

– Что – мелет? – хором зашипели мы.

– Барабашка мелет...

– На чем?..

И тут довольно внятно прозвучало:

– Е-ме-ля-а-а...

– Какая еще емеля? – спросил бригадир.

– Да нет же, «не мелет», – поправил женатый авантюрист. – Это он про технику...

– Смотри ты! Грамотный...

– Чш-ш-ш!

Барабашкин голос гулял по железной дуре (для меня все, от мясорубки и до синхрофазотрона, железная дура). Вдруг он раздался совсем близко, и мы разобрали отчетливые слова:

– Мели, Емеля!

Тут до меня дошло, кто колобродит в недрах техники.

– Твоя неделя! – выкрикнула я, распахивая соратников и выбираясь на оперативный простор темного цеха.

– Емелюшка!

– Кыш отсюда! – приказала я. – Нет тут никакого Емели!

Кыш, кому говорю?! А то я тебя сам знаешь чем!

Имелся в виду окей.

Повернувшись к камерке, я сказала весомо, словно не слова, а золотые червонцы счетом выдавала:

– Больше никаких барабашек не будет. Он ушел и не вернется.

– А вы откуда знаете? – испуганно спросил бригадир.

– Я его прогнала. Сейчас техника заработает.

И точно – заработала...

Оба моих несостоявшихся поклонника, женатый и неженатый, как-то сразу заторопились домой. И я их понимаю. Думали – такая себе девочка в кроссовочках, непритязательная, с глазками, с ножками, с диктофончиком каким-то дурацким, а оказалось – ведьма!

Поскольку не в первый раз я сталкивалась с законным мужским страхом перед женщинами чуть выше себя по уров-

ню интеллекта или способностей, то и не обиделась. Чешите, милые, по домам! Свежими анекдотами я вас снабдила, а больше вам и не нужно.

Но бригадир расставаться со мной не спешил.

– Как это у тебя получается? – спросил он.

– Как? Ты пословицу-то помнишь? А, дядя? – довольно сердито спросила я. – Мели, Емеля, твоя неделя!

– Как не помнить!

– Ну вот – барабашка пословицы любит. Ему сказали – он и ушел. Если у тебя дома заведется – ты его тоже тем же потчуй. Только чтобы человеческое имя в пословице было!

– Какая еще пословица с именем? – не понял он.

– Тебе сколько лет, дядя?

– Шестьдесят второй.

– Так ты еще должен помнить, как по-русски говорят.

– А я что, не по-русски, блин?!

Я посмотрела на него. Действительно, человек и сам не заметил, как перешел с родного языка на блинно-хреновый.

– Ладно, потом поймешь. Пойду я. Хай!

– Хай! – с большой радостью, что может соответствовать молодежи нужным словечком, ответил бригадир.

Глава четвертая

Пошло вкось да врозь – хоть брось

Авось ждал меня у трамвайной остановки. Он благоразумно спрятался за углом на случай сопровождающих лиц.

Осень – не то время, когда следует носить футболку, и потому Авось обхватил себя руками за плечи и только что не спрятал нос под локоть.

– Совсем сдурел? – спросила я его вместо «здравствуй-как-дела».

Как дела – и без того было понятно. Авось отчаянно искал тех, кого вытеснили, а то и вычеркнули блины с хренами. А где бы еще, по его разумению, обитал тот, кому положено откликаться на слова: мели, Емеля, твоя неделя? Там, где занимаются мукомольным промыслом! Только там он и мог укрыться от посторонних ушей, жить потихоньку с мастерами-мукомолами, носу не высовывать и ждать лучших времен.

Но Авось жестоко ошибся.

– Ты бригадира видел? – спросила я его. – Он старый сыч! Он еще должен был что-то помнить! Но имя «Емеля» не вызвало в его мозолистой душе ни малейшего отклика! А к молодежи и не подступись.

– Но ведь жив Емелька! – отвечал Авось. – Я Наталью

отыскал, она его еще на прошлой неделе встречала!

– Наталью?.. – единственная, какая еще могла уцелеть в блинно-хреновом мире, кое-как к нему приспособившись, была в людях Наталья, а дома каналья. – Ну, эта и соврет – недорого возьмет!

– Так в людях же сказала, не дома...

– Ну, тогда...

Я задумалась. В самом деле – где еще можно молоть? И осенило меня самым невыгодным для кошелька образом!

– Тормози тачку! – велела я Авосю. – Любую!

Денег у него не было – да и откуда? Я смирилась с тем, что поеду не в последнем трамвае зайцем, а в такси за деньги. Мы сели, и я попросила шофера поймать одну малопривлекательную ночную радиопрограмму.

К профессии ди-джея я отношусь без малейшего уважения. А те ребята, которых держали на этой радиостанции, были настолько ниже среднего ди-джейского уровня, насколько Марианская впадина ниже Джомолунгмы. От их несгибаемо-радостной пошлости я балдела и немела. Но именно они были мне сейчас нужны...

– ...почти час ночи, и вместе с вами ваш любимый и ненаглядный Эдька Райт! Я сижу сейчас за пультом, в руке у меня банка пива, слышите – буль-буль-буль, и я приглашаю выпить со мной вместе всех, кто не спит в этот замечательный ночной час!..

– Это что за чепуха? – удивился Авось.

– Ты дальше слушай...

Незримый Эдька заливался соловьем, наслаждаясь бессмысленным, но звучным плетением словес.

– Что может быть лучше банки пива? Кто подскажет? А? Не слышу! Так я сам скажу! Лучше банки пива могут быть только две банки! – изощрылся ди-джей. – А ровно через два часа и четыре минуты мы простимся с вами, и всю следующую неделю вас будет развлекать ваш лучший друг, любимец детей и женщин, лучший ди-джей этого города и окрестностей, и это будет полностью его неделя, так вот, это будет...

Наконец-то прозвучало желанное!

– Емеля! – воскликнул Авось.

Я попросила шофера остановиться и достала кошелек.

Потом, на ночной улице, мы некоторое время стояли у подъезда.

– Но это что же получается?! – горестно говорил Авось. – Если Емеля – на радио, то где же Варвара?..

– Варвара теоретически за границей, где-нибудь в Штатах. Там ей сделали пластическую операцию, восстановили нос... – принялась фантазировать я на тему «любопытной Варваре в дверях нос оторвали». – А потом она нанялась консультантом к папарацци...

Этого слова он не знал. Из новых слов Авось допускал лишь те, без которых ему лично не обойтись. Пиво «Пауланер» в его списке было на первом месте.

Я объяснила. Он едва не застонал.

– Слушай, а где ты вообще все это время был? Ну хотя бы последние лет десять? – спросила я. – В какой деревне прятался? Я же тебя уже целую вечность в городе не слышала!

И тут же поняла: все правильно. Поскольку в городе Авось вышел из употребления, он жил там, где его еще помнят, знают и любят. В какой-нибудь деревне, у милых старичков, на парном молочке...

Вот там бы и сидел, сердито подумала я, а его, гляди ты, на гору понесло! И за какой такой надобностью?

– Чаю не нальешь? – спросил он, глядя в асфальт.

– Пошли...

Чай в моем хозяйстве был всегда.

Он согрелся и стало ясно, что придется оставить его ночевать. Больше ему просто было некуда податься.

– Значит, на радио пригрелся, – размешивая сахар, сказал Авось. – Ну, что же в этом плохого? Там его поминают – там ему и житье. Послушай, ты ведь в газете работаешь – может, Варвара все-таки при вас кормится?

– А не проспал ли ты эти десять лет?

– А что?

– А пресса, милый, теперь в меру любопытная. Туда не лезет, где могут нос оторвать.

– А все эти скандалы с артистами?.. С певцами?..

Гляди ты, подумала я, и до тьмутаракани дошло, что Пугачева собралась с Киркоровым разводиться.

– А скандалы оплачены. Кто бы про них знал и помнил,

если бы не скандалы?

Он вздохнул.

– Я еще Машу искал, – тихонько признался.

Хотите верьте, хотите нет, но я ощутила настоящую ревность.

– Возле Дворца бракосочетаний караулил?

– Ага – по пятницам и субботам, а в воскресенье спать залегал – мне же в ночь на понедельник Емелю нужно было выслеживать...

– Машу я тебе, если хочешь, найду, – пообещала я весьма пасмурно.

– Правда?!

– Правда. Это как раз нетрудно. Только на что ты ей? Она теперь умная, на авось полагаться не станет. Ей теперь реальные деньги подавай.

Он почесал в затылке.

– Ну, так всегда было, – помолчав, рассудил он, довольно артистически скрыв обиду. Ведь кто говорил: хороша Маша, да не наша? Тот, кто к ней посвататься не мог. А сватался тот, у кого деньги...

И так вздохнул бедняга Авось, что мне всерьез стало его жалко.

– Ты по Машке не тоскуй! – бодро приказала я. – Машка теперь манекенщица! Знаешь, сколько человек ее помнит? Как пройдет по «языку» в собольем палантине, так ползала сразу подумает: хороша Маша, да не наша! А телезрители?

А потом, когда фото в модных журналах напечатают? Ты ей скажешь – хороша Маша, она нос задерет и ответит: да не ваша.

– Мне уходить? – вдруг спросил он.

– Куда ты пойдешь! Тебя первый же блинный патруль затормозит. Я не удивлюсь, если ты у них в розыске.

– Мне тоже так кажется, – сказал он. – Ведь многие только на меня и надеются, хотя вслух не говорят. А если соберутся, да скажут вслух, да еще хором: «Авось прорвемся!», то ведь и пойдут прорываться!

– Ты все еще не понял, что идти – некому? Города оккупированы, а деревни мало кому нужны, да за них Большой Блиняра с Большим Хренярой спокойны, потому что там исконно-посконная лексика все больше власть берет. Средства массовой информации – под контролем, в банк без «Хай!» и не входи...

Тут Авось прерывисто задышал, схватившись за горло. Я не сразу поняла, что это на него так «хай» подействовал. Когда поняла – ругнула себя за словечко. Надо же – само выскочило, я и не заметила.

Он кое-как продышался.

– Вот видишь? И с каждым днем этой дряни все больше и больше! Знаешь что, Авось? Возвращался бы ты туда, откуда явился. Там ты еще сколько-то продержишься. Видишь – когда все разбрелись, поодиночке еще кое-кто куда-то пристроился. Брось ты это дело!..

– Вы-то меня бросили, забыли, – он глянул исподлобья. –
Да как же я-то вас брошу, если у вас на меня одна надежда?
А, люди?..

Глава пятая

Голь на выдумки хитра

Следующим подвигом Авосья была охота на бомжей.

Разумеется, он не предупредил меня о своем безнадежном замысле, чтобы не стала отговаривать. Поэтому я первым делом столкнулась с последствиями: возвращаясь домой, увидела, что несколько кварталов оцеплено, а хреновый наряд проверяет документы.

Надо сказать, что бомжи находятся под особым хреновым покровительством. Выражается оно в том, что самым языкастым бомжам позволено кормиться при хреновых казармах. Поэтому простой человек, гоня бомжа с лестничной клетки, чтобы не сорил вшами, рискует напороться на большие неприятности.

Но кто бы мог предположить, что из-за бомжей будет настоящее оцепление?!?

Моя пресс-карта доверия хренам не внушила.

– Что за газета такая?

– Самая что ни на есть хреновая! – радостно отвечала я. Сказать правду – это для журналиста всегда праздник.

Старый хрен, которого позвали, чтобы решить мою судьбу, с особыми продолговатыми нашивками на погонах, даже вверх ногами пресс-карту перевернул, даже с изнанки по-

смотрел.

– А хрена ли мне вам врать? – обиделась я.

– Знаю я вас, писак...

– Ну, хотите, пойдём ко мне, заглянем в холодильник! У меня же там только то, что с хреном едят! Сосиски, заливное! И тертого хрена в банках на два месяца запасено! Крепкого, с уксусом!

Мы уже так привыкли к оккупационному режиму, что в любой миг были готовы к обыску.

– Застольную молитву помнишь? – сжалился наконец старый хрен.

– Я – за хрен, а хрен – за меня! – я так вошла в роль, что даже слезы на глазах чуть не выступили, как у человека, нечаянно закинувшего в рот столовую ложку этой уксусной хренотени.

– Хрен с ней, пропустить, на хрен!

Недоумевая, из-за чего весь переполох, я поспешила домой.

Конечно, можно было не унижаться, а сразу воззвать к синониму. Это для них – круто. А если бы он тут же и явился? Что бы я с ним посреди улицы делать стала?!?

Представив себе эту разборку, я одновременно ужаснулась и развеселилась. Поэтому, когда Авось сверху меня окликнул, я так и застыла с окаменевшей улыбкой. В самой причём подходящей позе – нагнувшись и тыча спичкой во взбунтовавшуюся замочную скважину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.